

VI Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения. Сборник научных работ. Севастополь. Гит пак. 2012

УДК 14:930.1

ПОСТМОДЕРН И ПРОБЛЕМА ИСТОРИОГРАФИИ

Власова Татьяна Ивановна

д-р филос. н., проф., зав. каф. филологии и перевода Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна, (Украина)

Vlasovat@inbox.ru

(095) 516 86 58

В статье рассматривается проблематизация истории в русле постмодернистской критики «Традиции» и формируемой ею историографии, которая репрезентируется как «метавымысел» с соответствующими дискурсами, культурными конструктами и системами сигнификации.

Ключевые слова: *постпарадигматический порядок, эстетизация реальности, интерпретация, культурные нарративы, «подлинный историзм», исторические референты.*

У статті розглядається проблематизація історії у руслі постмодерністської критики «Традиції» і формованою нею історіографії, яка репрезентується як «метавимисел» із відповідними дискурсами, культурними конструктами і системами сигніфікації.

Ключові слова: *постпарадигматичний порядок, естетизація реальності, інтерпретація, культурні нарративи, «справжній історизм», історичні референти.*

The focus of the article is on the problematizing of history in the conceptual field of the postmodern criticism of the «Tradition» and historiographic metafiction as representing definite discourses, cultural constructs and signification systems.

Key words: postparadigmatic order, aesthetization of the reality, interpretation, cultural narratives, «true historicism», historic referents.

Термин «постмодерн», обозначая непрозрачный и противоречивый концепт (модерн – это всегда уже постмодерн), используется в последние десятилетия чрезвычайно широко в различных сферах науки и культуры: не только в философии, но и в истории, литературной критике, искусстве, что позволяет исследователям говорить о поэтике постмодернизма [3]. В то же время многие теоретики настроены более скептически, подчеркивая, что постмодернизм сводится лишь к теоретизированию о возможных условиях своего существования, что дает в итоге простое перечисление постмодерных развитий и модификаций. Хотя наличие многочисленных научных концепций свидетельствует о реальности «ситуации постмодерна», постмодернизм, как указывается, не имеет своей парадигмы, являясь поэтому лишь завершением традиции модернизма. С другой стороны, ученые описывают явления постмодерна как «эволюционный дрейф» от парадигматического порядка к постпарадигматическому [8, с.9].

Важно также, что постмодернизм – это нечто большее, чем понятийная система, направленная на анализ идеологии, и формируемая ею эстетическая система. На вопрос, что такое постмодернизм, знаменитый французский теоретик Ж.-Ф. Лиотар отвечал, что постмодернизм понимается как модернизм не в своем окончании, но в «нарождающемся состоянии», и это состояние постоянно [6].

Следует заметить, что формирование не только постмодерна, но и модерна как типа общества по-прежнему является актуальной темой в гуманитарных науках. Модернизм, пишет Ф. Джеймсон, «принудительно» думал о новом и пытался наблюдать за его становлением. Постмодернизм ищет разрывы и изломы, события, а не новые миры, сдвиги и безвозвратные изменения в репрезентации вещей. Модернистов интересовало то, что может

произойти в результате таких изменений, они думали о самой «вещи», субстанционально. Постмодернисты более формальны в этом смысле, они убеждены, что содержание – это образы, которых становится все больше и больше [4, с. 9]. В модернизме, как показывает Джеймсон, существуют некие остаточные зоны «природы» или «бытия» старого, архаичного мира. Культура все еще может сделать что-то с этой «природой», трансформируя этот референт. В постмодернизме процесс модернизации завершен, и «природа» ушла навсегда: «культура» стала достоверной второй природой. То, что произошло с культурой, можно рассматривать как один из самых важных ключей в анализе постмодернизма: огромное расширение ее сферы, огромная и исторически оригинальная аккультурация Реального, огромный скачок в том, что ученые называют эстетизацией реальности. В постмодерне культура становится по праву продуктом, а постмодернизм – процессом «чистой коммодификации» [4, с. 10]. Поэтому французский постмодернист Ж. Бодрийяр выносит приговор о невозможности водораздела между реальным и фиктивным, аутентичным и неаутентичным значением: реальность уже не является реальностью, но гиперреальностью и симуляцией [1].

Общеизвестно, что главная тема постмодернизма – это отказ от метанарративов, сформировавших основу западной философской мысли. Самыми главными «grand narratives», по мысли Лиотара, являются нарратив Просвещения и нарратив Духа. Хотя критика Просвещения ведется с разных точек зрения, ее объединяет ирония, скепсис в отношении «проекта Просвещения», в отношении тем и образов, составляющих этот проект. Для Просвещения целью любого познавательного отношения человека к миру являлось, как известно, познание истины, истины объективной, универсальной и не зависящей от познающего субъекта. Постмодернизм отрицает объективную данность истины. Любая попытка обнаружить истинную сущность вещей обречена на неудачу, поскольку истина – не более, чем лингвистический, исторический и социальный конструкт. С последним связана

другая важная мысль: постмодерн антиисторичен. Еще в 70-х годах историки писали о том, что и романисты и поэты, и ученые-гуманитарии и ученые-естественники, и пророки и философы проявляют сильную враждебность по отношению к исторической мысли. Многие наши современники чрезвычайно неохотно признают реальность прошлых времен и предшествующих событий и упрямо сопротивляются всем аргументам в пользу возможности или полезности исторического знания [4, с.87]. И все же мы не можем сказать, что историческое сознание отвергнуто постмодерной культурой. В современной литературе отчетливо присутствует желание мыслить «исторически», что сейчас означает мыслить критически и контекстуально. Было бы большим преувеличением сказать, что модернисты этого не понимали. Не будем говорить о Джойсе, Манне или Элиоте, вспомним строки из романа известного русского прозаика Гайто Газданова «Вечер у Клер» (1929). Говоря о Гражданской войне, один из умудренных жизненным опытом героев романа замечает: «Если ты останешься жив после того, как кончится вся эта резня, ты прочтешь в специальных книгах подробное изложение героического поражения белых и позорно-случайной победы красных, – если книга будет написана ученым, сочувствующим белым, – и героической победы трудовой армии над наемниками буржуазии, – если автор будет на стороне красных» [2, с. 37].

Безусловно, отвергая историзм, постмодернисты отвергают прежде всего «традицию», но если мы сравним роман Газданова о Гражданской войне в России с романом знаменитого постмодерниста Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» о событиях второй мировой войны, то увидим, что читателю нашумевшей книги Фаулза (так же, как и читателю куда менее известной книги Газданова) никогда не позволяется забывать об «уроках прошлого» и о тех последствиях, которые эти уроки имеют в «историческом настоящем». Несомненно, условный характер исторического знания не является открытием постмодернизма, так же, как и не является им вопрос об онтологическом или эпистемологическом статусе исторического «факта». Но

концентрация этих проблем в постмодерном искусстве – это факт, который нельзя игнорировать. Теоретики утверждают, что урок постмодернизма состоит в том, что и литература, и история – это дискурсы, которые составляют системы сигнификации и с помощью которых мы можем понять прошлое. Другими словами, значение и форма не в «событиях», но в системах, которые превращают эти прошлые «события» в существующие исторические «факты» [3, с.89].

Здесь следует вспомнить, что деконструктивистскую критику «Традиции» пробудил Ницше, заявив, в частности, о том, что «факта» не существует, существуют только его интерпретации, и призвав науку и философию выбросить за борт свои грандиозные метафизические претензии и рассматривать себя более скромно, «просто как еще один набор нарративов» [7, с. 13]. Постмодернисты утверждают: то, что мы полагаем значением или концептуальным содержанием высказывания, – это объективный мираж сигнификации, возникающий в результате взаимоотношений означающих. Именно поэтому Ж. Лакан пишет, что мы все являемся узниками не реальности, но «зеркального» мира означающих. Другой знаменитый постмодернист Р. Барт доказывает: читатели сами создают свои собственные значения, независимо от интенций автора, следовательно, тексты, которые они используют для этого, нестабильны и открыты для интерпретаций.

Лозунг культуры постмодерна известен: «Прекратите рассказывать, покажите!». Современное общество – это социальный перформанс, пишут ученые, это общество «зрелищ и спектаклей»; так называемое разнообразие стилей и форм постмодернизма – на самом деле лишь компьютерная симуляция.

Историография также движется именно в этом направлении. Здесь будет уместно вспомнить «тур по прошлому», который предлагает Мемориальный Музей Холокоста в Вашингтоне. При входе в Мемориал посетитель получает удостоверение личности с подходящими данными по возрасту, полу, с

фотографией реальной жертвы Холокоста, погибшей или выжившей в концлагере. Проходя через три этажа экспозиции музея, посетитель вставляет свою карточку с кодом в компьютеры и видит, что происходит с ним как с «субъектом Освенцима»: будет ли он/ она спасен, сожжен в печи или отравлен в газовой камере. При этом посетитель Мемориала постоянно видит «исторический фильм» – видеомонтаж документальных кадров ужасов Освенцима – Аушвица. С точки зрения эстетики, искусства, подобная инсталляция – это, безусловно, постмодерный «readymade». С точки зрения этики, истории, – это исторический фильм о Смерти, смерти, запечатленной в каждом кадре. Но удалось ли создателям этого «тематического жанра» заставить посетителей пережить все ужасы Аушвица, если в конце экскурсии они выбрасывают карточки – удостоверения личности в мусорные урны вместе с обертками шоколадок и пустыми бутылками от кока-колы?

Томас Адорно великолепно сказал: «Противоположность знания – это не невежество, но обман и подделка». В возникшем культурном нарративе очень сложно осмыслить понятие подлинного, мы все уже забыли, что значит «подлинное». Как пишет Л. Хатчеон, постмодерн одновременно делает два эффектных хода: он вновь вводит исторический контекст как значительный и даже определяющий, но при этом он проблематизирует само понятие исторического знания, и это именно тот парадокс, который характеризует исторические дискурсы сегодня. Как косвенное следствие – отсутствие единого, эссенциализированного, трансцендентального понятия «подлинного историзма» [3, с. 89]. Постмодерный историзм не обременен ностальгией в своем критическом обзоре форм, контекстов и ценностей прошлого. Ф. Джеймсон утверждает, что «Рэгтайм» Э. Доктороу – это наиболее специфичный и удивительный монумент эстетической ситуации, оплодотворенной исчезновением исторического референта, это «неосознанное выражение и ассоциативное исследование левой доксы, исторического мнения или квази-видения внутреннего зрения – объективного духа» [4, с. 23].

Подобное определение говорит о том, что перед нами парадокс: реалистический роман, подобный «Рэгтайму» – это, по сути, нерепрезентативная работа, которая объединяет «вымышленные означающие из разнообразных идеологем в виде своеобразной голограммы». Безусловно, как замечает Л. Хатчеон, роман наполнен историческими персонажами (Т. Рузвельт, Э. Голдман, Морган, Форд, Гудини), но в этом же романе они сосуществуют с вымышленными или интертекстуальными образами и героями, они не «интегрированы» в наше чтение, но «плывут» над текстом.

Как пишет Г. Линденберг, «Новая история» имеет мало общего со «старой» по той простой причине, что «новые историки» были вскормлены в теоретической атмосфере 70-х годов, когда история стала казаться, по сути, просто еще одной формой вымысла [5]. Историографический «метавымысел» (metafiction) опровергает методы здравого смысла в определении отличий исторического факта и вымысла. «Метавымысел» отрицает то, что история обязана притязать на правду, понимая в то же время, что и история, и художественная литература – это дискурсы, культурные конструкты, системы сигнификации. Постмодерный «возврат к истории» – это, как представляется, не «ностальгия» или «возрождение», это отражение междисциплинарности современной теории («Theory» – с большой буквы), это проблематизация истории в русле постмодерной культуры.

История, на наш взгляд, потеряла статус автономной дисциплины (как и многие другие сферы современной науки), и потому обращение различных теоретических дискурсов к истории вполне обоснованно. В центре современного теоретизирования в историографии находятся нарратив, риторика и аргумент, но именно нарратив наиболее отчетливо накладывается на проблемы постмодерной теории: литературы и истории. Нарративы определяют «конфигурацию времени» – и вымышленную, и историческую. Следовательно, историография не может претендовать на «чистоту», абстрактную незапятнанность и объективность. Историография связана с

«метафикцией» (т.е. вымыслом) в своих стремлениях понять взаимоотношения событий и их последствия как в жизни отдельных людей, так и общества в целом.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симуляция и симулякры // Современная литературная теория. Антология. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 258-271.
2. Газданов Г. Вечер у Клер // Юность. – № 10, 1990. – С.36-47.
3. Hutcheon L. A Poetics of Postmodernism. – New York and London: Routledge, 2002. – 268p.
4. Jameson F. Postmodernism or, The Cultural Logic of Late Capitalism. – London, New York: Verso, 2009. – 438 p.
5. Lindenbergh H. Toward a New History in Literary Study// Profession. – № 84, 1984. – P. 16-23.
6. Lyotard J.-F. La condition postmodern: Rapport sur le savoir. – P., 1979. – 109 p.
7. Madison G.B. The Politics of Postmodernity: Essays in Applied Hermeneutics. – Kluwer Academic Publishers, 2001. – 210 p.
8. Simon W. Postmodern Sexualities. – London and New York: Routledge, 1996. – 179p.